

Д.х.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

95 5

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

3

1948

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Волгин В. — К 100 летию «Манифеста Коммунистической партии»	5
Шустер У. — Познанское восстание 1848 года	16
Захарова М. — О генезисе идей Томаса Джефферсона	40
Пажитнов К. — К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII века	60

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Беккер И. — Декабристы и польский вопрос	65
Рыськин Б. — Смерды в областях немецкой колонизации XI—XIII веков	71
Кунина А. — Из истории империалистической экспансии США в Европе после первой мировой войны	80

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические обзоры

Ильин С. — Против искажений биографии А. В. Суворова	93
Покровский С. — Фальсификация истории русской общественной мысли	100
Манфред А. — «Замогильные записки»	106
Родов Б. — Из истории японо-американских отношений накануне Тихоокеанской войны	113

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Иванов Л. — И. Берхин. Луганская большевистская организация в период первой русской революции	119
Бак И. — Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I	120
Тарле Е. — Проф. О. Л. Вайнштейн. Россия и Тридцатилетняя война	123

Всеобщая история

Россейкин Ф. — «Византийский Временник». Т. I (XXVI)	127
Корсунский А. — Брюнинг Г. «Письмо»	134
Гуревич А. — К. Стефенсон. Средневековый феодализм	140
Коган М. — Уайт Е. Социальная критика в народной религиозной литературе XVI столетия	144

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Н. У. — О втором издании первого тома учебника по истории СССР	146
Бондарь Н. — В Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)	154
За рубежом	156
Письмо в редакцию	159

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (главный редактор), Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, З. В. Мосина, А. М. Панкратова, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров, В. М. Хвостов.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 552. Тел. Д 3-31-04.

А — 03081. Изд. № 243. Заказ № 300. Тираж 33.600 экз.
Подписано к печати 24/III 1948 г. 10 печ. л. 68.000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

СТАТЬИ

Вячеслав Петрович Волгин

К 100-летию «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» *

Книги имеют свою судьбу. Есть книги, историческое значение которых, не вполне ясное для современников, с каждым десятилетием раскрывается со всё большей и большей полнотой. Такие книги не стареют; наоборот, чем дальше отходят в прошлое породившие их исторические события, тем ярче выступает их вечный, непреходящий, общий смысл. Среди таких великих памятников человеческого гения одно из первых мест занимает книга, столетие которой мы сейчас отмечаем.

«Манифест Коммунистической партии» написан по поручению небольшой по числу членов международной организации «Союза коммунистов», как программный документ этой организации. Сейчас, сто лет спустя, «Манифест» признаётся всеми одним из самых значительных документов величайшего в мировой истории движения эксплуатируемых масс, идущего под знаменем научного коммунизма и одержавшего потрясшие весь мир победы в нашей великой стране. Сейчас, сто лет спустя, «Манифест» является для нас одним из самых значительных документов в истории науки о человеческом обществе, о законах его развития. «Манифест Коммунистической партии» отмечает своим появлением рубеж между научным коммунизмом и коммунизмом утопическим, начало нового, высшего этапа в росте классового сознания и в истории классовой борьбы пролетариата. Вместе с тем — и именно поэтому — он отмечает новую эру в развитии человечества, возводя приближающееся завершение его «предистории» и начало его «подлинной истории».

Оба эти момента в исторической характеристике «Коммунистического Манифеста» — его значение для классовой борьбы пролетариата и его общечеловеческое значение — неразрывно связаны друг с другом и взаимно обусловлены. Ибо только пролетариат способен сокрушить до конца общественный порядок, основанный на эксплуатации человека человеком и на классовом антагонизме, и положить начало новому порядку — бесклассовому обществу, сознательно и планомерно строящему свою жизнь. Ибо только уничтожив классовое строение общества и все виды эксплуатации человека человеком, искоренив все возможности возрождения эксплуатации, пролетариат способен освободить самого себя.

В обществе, распадающемся на классы, классовый антагонизм неизбежно определяет всё миропонимание членов общества, в особенности их понимание явлений общественной жизни. Как ни велики по своему значению отдельные достижения научной мысли антагонистических формаций, она всегда окрашена классовым интересом. В идеологии господствующего класса феодального общества интерес сохранения существующего порядка доминировал над всем мирозерцанием — в основном в форме религиозных учений, направляющих и модифицирующих развитие отдельных отраслей знания. Буржуазия в период своей борьбы против

* Доклад, прочитанный автором на годовом торжественном собрании Академии наук СССР 10 февраля 1948 года.

феодалного порядка нанесла тяжёлые удары по феодальной идеологии. В лице своих лучших, наиболее передовых представителей она подвергла разрушительной критике освящавшую феодальное общество религиозную систему, она освободила человеческую мысль от связывавших её уз феодального мировоззрения. Освободительная роль борющейся за власть буржуазии была обусловлена тем ведущим положением, которое она занимала в процессе подготовки предстоящего социального переворота, отвечающего не только интересам самой буржуазии, но и потребностям всего общества в целом.

«Ни один класс гражданского общества не может сыграть этой роли, не возбудив на мгновение энтузиазма в себе и массах. Это — момент, когда он братается и сливается со всем обществом, смешивается с ним, пользуется его любовью и признаётся всеобщим его представителем, — момент, когда его собственные притязания и права являются поистине правами и притязаниями самого общества, когда он действительно представляет собой социальную голову и социальное сердце»¹.

Однако даже во время наивысшего подъёма буржуазной общественной мысли — накануне французской революции XVIII в. — буржуазия не могла довести эту освободительную работу до конца. Выступая против феодального порядка в качестве представителя всего народа, буржуазия стремилась к установлению такого порядка, который сделал бы невозможной феодальную эксплуатацию, но она и не помышляла, не могла помышлять по своему классовому существу о порядке, делающем невозможной всякую эксплуатацию, в том числе и буржуазную. Революция, к которой она вела общество, должна была лишь передать власть из рук одного класса — феодалов — в руки другого класса — буржуазии, — отнюдь не упраздняя деления общества на классы, и принцип господства одного класса над другими. Эта противоречивость положения буржуазии не позволяла ей создать истинную науку об обществе, осознать закономерности исторического процесса. Великим буржуазным просветителям и материалистам XVIII в. нечуждо представление о классовом делении общества, о том, что обществом правят «интересы». Но их философия общества остаётся идеалистической. Они предпочитают обосновывать необходимость смены феодального порядка порядком буржуазным не исторически, а рационалистически. Они чувствуют, что идея исторической смены общественных порядков может подорвать прочность не только того порядка, который они разрушают, но и того, который они стремятся построить. Необходимость и целесообразность последнего они выводят поэтому не из законов истории, а из «вечных» законов человеческой природы, разума, провидения, придавая тем самым характер «вечности» и своему общественному идеалу.

Исходя из этих «вечных» законов, буржуазия осудила как неразумные, как основанные на предрассудках все старые формы общества и государства. Идущий им на смену порядок она провозгласила царством разума, при котором в человеческих отношениях будут господствовать соответствующие «природе человека» справедливость и равенство. «Мы знаем теперь, — говорит Энгельс, — что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла своё осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к буржуазному равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека объявлено было право буржуазной собственности. Разумное государство... оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 409

² Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах. Т. I, стр. 176. М. 1940.

Изучение явлений общественной жизни, происходившее, конечно, и в рабовладельческом и в феодальном обществе, могло привести к созданию науки об обществе лишь тогда, когда в обществе появился класс, интерес которого выходил за пределы классового общества, класс, стремящийся не к тому, чтобы стать господствующим и увековечить своё господство, но к тому, чтобы использовать своё господство для ликвидации классового строения общества в интересах всего трудящегося человечества. Такой класс может бесстрашно смотреть в глаза исторической правде, ибо он уверен в том, что историческая правда — его правда, ибо ему чуждо опасение, что после его победы процесс исторического развития может создать новую силу, которая будет стремиться отнять плоды этой победы, — опасение, давящее на научное сознание представителей буржуазии. Именно таким классом является пролетариат.

Пролетариат оформляется как класс лишь после промышленной революции, в процессе роста капиталистической машинной индустрии. Объединяемый местом, которое он занимает в общественном производстве, близостью жизненных условий и интересов, пролетариат составляет тем самым, по выражению Маркса, класс в себе. Но пролетариат приходит к классовому самосознанию, превращается из класса в себе в класс для себя путём длительного и сложного исторического процесса.

Первые проблески зарождающихся чувств солидарности и революционных настроений могут быть отмечены в рабочих массах очень рано, задолго до промышленной революции.

«Хотя в общем и целом буржуазия в борьбе с дворянством имела известное право считать себя также представительницей различных трудящихся классов того времени, — говорит Энгельс, — тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее разрывным предшественником современного пролетариата»³. Наиболее ярким примером такого движения, движения, отражающего интересы и стремления пролетаризованных масс населения, был во время французской буржуазной революции так называемый заговор Бабефа.

В начале революции грань, отделявшая политические интересы трудящихся вообще и рабочих в частности от интересов возглавлявшей революционные массы буржуазии, была ещё не вполне для них ясна. Французские рабочие вступали в революцию, не осознав ещё себя как особый общественный класс. Но напряжённая классовая борьба периода революции не могла пройти бесследно для их самосознания. В первый период революции рабочие совместно с мелкобуржуазными слоями населения, не отделяя себя от них политически, боролись за ликвидацию остатков старого порядка, которые стремились сохранить господствовавшие в Учредительном собрании представители интересов крупной буржуазии. Рабочие принимали активное участие в борьбе парижского народа против монархии, борьбе, завершившейся переворотом 10 августа 1792 года. Когда установилась якобинская диктатура, рабочие в своей массе на первых порах считали её, вероятно, «своим» правительством. На самом деле даже самые радикальные представители якобинского клуба были лишь идеологами мелкой буржуазии со всей половинчатостью мелкобуржуазной идеологии в социальных вопросах. Рабочим якобинская диктатура не могла дать и не дала ничего. Социальные чаяния рабочих были ещё весьма неопределёнными. Однако сознание того, что эти социальные чаяния не удовлетворены якобинским правительством, вызвало недовольство и брожение, проявившиеся в движении «бешеных» и в известной поддержке рабочими выступлений «левых» якобинцев.

³ Карл Маркс. Избранные произведения. Т. I, стр. 177.

После 9 термидора, после установления ничем не прикрытой буржуазной диктатуры, оглядываясь на пройденный путь революции, рабочие не могли не испытывать глубокого разочарования во всех тех рецептах исцеления социальных зол, какие предлагались политическими группировками, сменявшими друг друга у власти в процессе революции. Под влиянием опыта классовой борьбы 1789—1794 гг. началось идеологическое выделение предпролетариата из той плебейской массы, частью которой он сознавал себя до этого времени. В рабочей среде росло сознание того, что те или иные изменения в политическом строе ещё отнюдь не обеспечивают улучшения их положения; шла усиленная работа мысли в поисках каких-то новых путей разрешения социальной проблемы; крепло убеждение в том, что на этих путях им нечего ждать помощи от тех социальных сил, в руки которых революция передала власть. Последовательного классового мирозерцания французские рабочие этой эпохи выработать ещё не могли; но элементы, зачатки этого мирозерцания были уже налично.

Именно с этим моментом французской революции — с моментом, когда в среде рабочих (по преимуществу парижских) загораются первые искры классового самосознания, связано бабувистское движение. Бабувисты попытались придать отчётливые формы социальным чаяниям французских рабочих, попытались дать ответ на запросы нового общественного слоя, начинавшего пробуждаться к самостоятельной политической жизни. Само собою разумеется, что эта первая попытка по неизбежности несовершенна, в ней много элементов, отвечающих незрелости классовых отношений, незрелости самого пролетариата. Тем не менее в предистории коммунизма, в предистории развития классового самосознания пролетариата бабувистское движение должно занять значительное место.

Бабувисты ставили себе целью революционный переворот во имя коммунизма. Они полагали, что созданная ими тайная организация сможет поднять плебейские массы Парижа и установить в результате удачного восстания революционную диктатуру, которая и осуществит преобразование общества на коммунистических началах. Всю предшествующую историю они рассматривали как непрерывную войну между «плебеями и патрициями», между бедными и богатыми. Они видели, что общественные институты стремятся передать все богатства одним и отнять их у других. Естественно, что первые заинтересованы в их сохранении, вторые — в их разрушении. Французская революция является, по мнению бабувистов, одним из эпизодов в этой вечной борьбе между патрициями и плебеями. Но она не дала окончательной победы бедным. Всё завершилось тем, что одна группа тиранов отняла власть у другой группы. Революция «не доведена до конца, так как ничего не сделано для обеспечения народного счастья». Следовательно, революцию нужно продолжить, пока она не сделается народной революцией.

«Заговор Бабефа, — говорит Энгельс, — сделал во имя равенства заключительные выводы из идей демократии 93 года, поскольку выводы эти возможны были»⁴ (разрядка моя. — В. В.). Учение бабувистов об истории как о борьбе между богатыми и бедными, о необходимости революционного переворота для достижения коммунизма составляет извечный шаг вперёд от естественно-правовых рассуждений просветителей XVIII века. Но оно ещё очень примитивно. Исторический процесс в изображении бабувистов однообразен, мы не видим в нём смены формаций, не видим изменений в социальном составе общества и в характеристике входящих в него классов. Заметим, что и термина «класс» бабувисты в этой связи не употребляют. «Беднота» для них — некое нерасчлennенное понятие. Подготавливая восстание, бабувисты очень заботились о связях с рабочими. Но исторического значения пролета-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 28.

риата, как особого общественного класса, они не были в состоянии понять. Они ждали новой народной революции, революции плебса.

Учение бабувистов об истории было ещё весьма далеко от научного понимания исторического процесса. Такое историческое учение, конечно, не могло служить обоснованием грядущего коммунизма. И бабувисты действительно обосновывают необходимость коммунизма не исторически, а рационалистически, используя для этой цели унаследованную ими от просветителей XVIII в. теорию естественного права с её «вечными» принципами и «неотъемлемыми» правами человека. Таким вечным принципом естественного права является для них равенство. Природа дала всем людям равное право пользоваться её благами, равное право на счастье. Но естественное право не реализовано в праве положительном: везде царит неравенство, имеющее своим источником право частной собственности. Коммунистический строй, к осуществлению которого бабувисты призывают, есть для них естественный и разумный строй, соответствующий естественным свойствам человеческой природы.

Пролетаризация масс, образование кадров наёмных рабочих, их страдания обусловили появление ряда теоретических построений, которые объединяются наименованием «утопический социализм». Представители этого течения общественной мысли искренне сочувствуют эксплуатируемому и искренне стремятся найти способ установить такой общественный порядок, при котором эксплуатация стала бы невозможной. «Они сознают, что в этих своих планах защищают главным образом интересы рабочего класса как наиболее страдающего класса»⁵. Но возникающие в тот период, когда классовая борьба пролетариата стоит ещё на очень низкой ступени, социальные построения утопистов носят, как выражается Маркс, «фантастический» характер. Утописты видят противоречия классовых интересов, но считают себя стоящими над этими противоречиями. Они верят, что открывая ими социальная наука устранит эти противоречия, а вместе с тем и все общественные беды.

Утопический социализм не смог открыть закономерности исторического развития, с неизбежностью ведущие к установлению нового, свободного от эксплуатации общественного порядка, не смог понять великую историческую роль пролетариата. Крупнейший из дореволюционных утопистов, Морелли, непосредственный учитель бабувистов, целиком стоял на позициях рационализма. Для него существующий строй — «неразумный» строй, не соответствующий природе. Он возникает в силу «ошибки» невсесовершенных законодателей. Общество придёт к коммунизму в результате успехов просвещения. Несравненно более глубокое понимание социальных процессов, несравненно более широкий кругозор находим мы у великих утопистов начала XIX века. Хотя они и остаются во многих отношениях людьми XVIII в., но они учитывают уже в своих теориях те колоссальные сдвиги, какими отмечен конец XVIII в., — начавшийся промышленный переворот и буржуазную революцию. Они понимают внутреннюю противоречивость созданного этими сдвигами нового, буржуазного общества, видят разложение старых общественных классов и формирование нового класса — пролетариата. Их теория общества и его развития несравненно более сложна, чем она была у их предшественников XVI—XVIII веков.

Для Сен-Симона исторический процесс есть процесс закономерный; понимание законов исторического развития должно, по его мнению, дать возможность предвидеть будущее. В его философии истории есть элементы диалектики. Он видит в истории последовательную смену систем. В пределах каждой из них человечество развивается, пока дан-

⁵ Карл Маркс. Избранные произведения. Т. I, стр. 165.

ная система из формы развития не превращается в препятствие развитию. Тогда она разрушается, чтобы дать место новой, соответствующей достигнутому человечеством уровню и обеспечивающей его дальнейший рост. Для каждой системы характерно определённое соотношение классов — эксплуататоров и эксплуатируемых. История европейских обществ с XV по XIX в. представляется Сен-Симону историей борьбы новых, растущих классов — промышленников и учёных — с господствующими классами старого общества — феодалами и духовенством. Ученики Сен-Симона дают характеристику развития общества как смены форм эксплуатации.

Однако общая концепция Сен-Симона и его учеников, несмотря на отдельные моменты материализма и диалектики, оставалась идеалистической. Двигателем исторического развития является у них прогресс разума или моральных чувств. Основным принципом каждой общественной системы служит религиозно-философское миросозерцание. Классовый анализ современного общества у Сен-Симона явно недостаточен и страдает внутренними противоречиями. Промышленники составляют у него единый класс, объединяющий и предпринимателей и рабочих. Хотя в последнем своём произведении — «Новом христианстве» — он ставит целью общественного преобразования увеличение благосостояния пролетариата, как наиболее беднейшего класса, всё же антагонизм между предпринимателями и рабочими он и здесь объявляет основанным на недоразумении. Интересы организаторов промышленности совпадают с интересами масс, предприниматель по природе вещей является руководителем рабочих. Сен-Симон боится, что его учение может толкнуть рабочих на акты насилия против богатых и правительства. Он призывает промышленников и правительства Священного союза принять меры к увеличению социального счастья бедняка. Ученики Сен-Симона в своём представлении о путях общественного преобразования также остаются наивными мечтателями. Движущей силой преобразования они считают религиозный энтузиазм, единодушный мирный порыв пробуждённых к сознанию своего предназначения людей. Новое христианство, возвещённое Сен-Симоном, должно по их учению войти в жизнь мирным путём.

Немало нового внёс в понимание исторического процесса и общественных отношений капитализма Фурье. Энгельс отмечает диалектический характер учения Фурье об исторических судьбах человечества, научное значение предложенной им схемы ступеней исторического развития: дикость, варварство, патриархат, цивилизация. Следует указать также, что Фурье видит основной толчок к прогрессу человечества в несоответствии между потребностями человека и ресурсами окружающей среды, что он определяет исторические периоды производственными признаками. Фурье дал очень тонкий, исключительный в утопической литературе критический анализ противоречий капиталистического общества. Он видел процесс концентрации производства, он понимал неизбежность пролетаризации мелких собственников. Он считал, что прогресс при капитализме — иллюзия, что положение трудящихся с ростом общественного богатства становится всё хуже. Правильно оценивая напряжённость социальных противоречий, Фурье предвидел возможность революционных потрясений. Но в этой грядущей революции он не видел силы, способной разрешить общественный кризис. На свою систему он смотрел как на способ предупреждения революционной катастрофы, как на способ примирения противоречий.

Фурье верил в возможность для свободного человеческого разума вмешаться в исторический ход событий и влиять на него. С другой стороны, он верил в то, что существует некий предустановленный богом социальный порядок, соответствующий природе человека, его страстям. Тот социальный кодекс, который Фурье предлагает человечеству, как

своё открытие, есть кодекс, данный богом человеку, ибо он основан на правильном понимании человеческой природы. По существу, мы имеем здесь новый, своеобразный вариант той же теории естественного права, освящённый к тому же религиозной санкцией. Пока социальный кодекс не открыт, невозможно выйти из существующего хаоса. После того, как он открыт Фурье, соответствующий строй человека должен быстро и без борьбы утвердиться. Этот строй соответствует интересам всех классов — интересам капиталистов не меньше, чем интересам рабочих. Известно, что Фурье ежедневно, в назначенные часы, ждал прихода капиталистов, которые должны были принести ему деньги для организации опытной ассоциации.

В отличие от Сен-Симона и Фурье, Оуэн был видным деятелем промышленности, руководителем большого промышленного предприятия. Впоследствии он был в течение ряда лет связан с кооперативным и профессиональным движением английского пролетариата. Он прекрасно понимал связь процесса образования современного пролетариата с промышленной революцией. Он лично наблюдал и высоко ценил рост сознательности и культуры рабочего класса. И тем не менее он является, пожалуй, самым последовательным рационалистом из всех утопистов XIX века. Он видел, что настроение народа становится всё более революционным, он предвидел, что дело может дойти до взрыва. Но своей задачей он, как и Фурье, считает предупреждение этого взрыва. Даже в период наибольшей близости к рабочему движению он выступает против классовой борьбы. Разъединяют людей, по его мнению, «плохое понятие» интересы. Действительные интересы одинаковы у всех: богатых и бедных, правящих и управляемых. Разумные доводы убедительны для всех. Поэтому Оуэн и пытался убедить в разумности своих проектов то английский парламент, то королеву Викторию, то — подобно Сен-Симону — монархов Священного союза. Политическую борьбу он считал для дела разумного преобразования совершенно бесполезной.

Ни одна из утопических систем не отвечала потребностям растущего классового самосознания пролетариата, ни одна из них не могла служить теоретическим обоснованием его классовой борьбы. Между тем классовое движение пролетариата с каждым десятилетием подымалось на новую ступень как в количественном, так и в качественном отношении. В Англии, которая раньше других стран пережила промышленную революцию, давно закончилась полоса стихийных мятежей рабочих, сопровождавшихся разрушением машин. Возникло рабочее кооперативное движение, возникли профессиональные союзы, была уже сделана первая попытка создания всанглийского союза рабочих, высоко поднялась волна первого массового политического движения пролетариата — чартизма. Во Франции восстания лионских рабочих ярко продемонстрировали революционные настроения и боевую мощь пролетариата. Французские рабочие в 30-х годах принимали самое деятельное участие в республиканских тайных обществах, выдвигавших с ростом в них влияния рабочих всё более определённые социальные требования, а в 40-х годах начали уже создавать свои собственные революционные ячейки. Наконец, и в отсталой тогда Германии прошло большое движение силезских ткачей.

Все эти проявления растущей боевой активности пролетариата вызвали серьёзную тревогу в среде правящих классов. Они свидетельствовали о том, что на историческую арену выходит новая сила. Но они свидетельствовали также о том, что эта сила ещё далеко не осознала, каковы её конечные цели и какие средства должны быть применены для их достижения. В среде английских рабочих пользовались значительным, хотя и кратковременным успехом такие мелкобуржуаз-

ные проекты, как план национализации земли О'Брайена или план наделения рабочих индивидуальными земельными участками О'Коннора, такие утопии, как оуэновская и бревеская утопия мирного преобразования общества путём превращения профессиональных организаций рабочих в производительные товарищества. Во Франции продолжала ещё жить бабувистская традиция, и наиболее передовые рабочие называли себя «коммунистами». Но это был «коммунизм» примитивный, заговорщический, не умеющий найти связь с широкими рабочими массами и с непосредственными интересами этих масс. А наряду с идеями бабувистского «революционного коммунизма» находили распространение идеи «мирного коммунизма» Кабе, своеобразно приспособлявшего традиционные формы коммунистической организации к мелкобуржуазным вкусам и отказывавшегося от революционных методов борьбы.

Дальнейшее развитие классовой борьбы пролетариата требовало новой теории. Эта теория должна была научно осмыслить место пролетариата в истории человечества и историческую роль его борьбы. Этого не могли дать старые, утопические системы, исходившие из «вечных» принципов, естественных прав человека, разума или справедливости, вслед за которыми большинство утопистов вводило в свои системы и устанавливавшее эти принципы «божество». Но этого не могла дать, этого не давала и буржуазная историческая «наука», хотя отдельным её представителям (например, французским историкам эпохи Реставрации) и не было чуждо понимание той роли, которую играет в историческом процессе классовая борьба. Чтобы научно обосновать классовую борьбу пролетариата, нужно было отбросить старые, эклектические или идеалистические схемы, которые показывали исторический процесс в искажённом виде в угоду классовым интересам дворянства и буржуазии. Надо было построить подлинно объективную историческую науку, т. е. науку материалистическую. А это можно было сделать лишь став на точку зрения пролетариата, класса, интересы которого не требуют, в силу его положения, никаких искажений исторической истины.

Научная теория коммунизма не могла родиться в чредах самого рабочего класса, из его стихийного движения. Для разрешения этой сложной задачи недостаточно было глубокой преданности делу пролетариата и веры в его силы. Глубоко преданных людей было в рядах рабочего движения немало, но теории, научно освещающей его перспективы, они создать не могли. Для этого нужно было критически переоценить всё, что дала для понимания общественных явлений буржуазная научная мысль; нужно было извлечь из фантастической оболочки всё ценное, что содержали в себе системы утопистов. Для этого нужно было изучить опыт реальной борьбы рабочего класса. Но и эта работа, громадная сама по себе, могла дать лишь материал для создания новой теории. Чтобы её действительно создать, необходимо было открыть подлинно научный метод, применение которого способно обеспечить полное соответствие теоретического построения реальной исторической действительности, — метод диалектического материализма. **Необходимо был гений Маркса.**

Поистине колоссальный объём и историческое значение того предварительного труда, который должны были произвести и действительно произвели Маркс и Энгельс, прежде чем они дали сжатую и изумительную по яркости формулировку его результатов в «Манифесте Коммунистической партии». Вехи пути, пройденного от статей Маркса в «Рейнской газете» до «Манифеста» — от революционного демократизма к коммунизму и диалектическому материализму, — отмечены рядом таких замечательных произведений, как «К критике философии права Гегеля», «Святое семейство», «Положение рабочего класса в Англии», «Немецкая идеология», «Нищета философии». «Манифест Коммунистической партии» как бы подводит итоги всей проделанной работе, пере-

даёт её результаты через «Союз коммунистов» рабочему классу как надёжное оружие в предстоящей ему длительной и тяжёлой борьбе.

«Манифест Коммунистической партии» — книга, представляющая собою настоящую сокровищницу новых идей. В ней по-новому ставятся и разрешаются основные проблемы социализма и рабочего движения, в ней по-новому ставятся и разрешаются основные проблемы науки о человеческом обществе. Но всё это многогранное целое освещено единой, центральной мыслью, которая, по словам Энгельса (предисловие к немецкому изданию «Манифеста» 1883 г.), красной нитью проходит через весь «Манифест». Эта мысль состоит в том, что «экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу её политической и умственной истории; что в соответствии с этим (со времени разложения первобытного общинного землевладения) вся история была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчинёнными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития, и что теперь эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетённый класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы»⁶.

Первая глава «Манифеста» начинается, как известно, с общей характеристики истории всех существовавших до сих пор обществ как истории борьбы классов: «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче — угнетающий и угнетасмый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»⁷.

Но «Манифест» — документ политического характера. Мы не должны поэтому искать в нём детального анализа общественных отношений и классовой борьбы на всех предшествовавших ступенях общественного развития. В дальнейшем Маркс и Энгельс сосредоточивают своё внимание на капиталистическом обществе. Они показывают, как росли средства производства и обмена в феодальном обществе, как цеховое ремесло сменялось мануфактурой, а затем мануфактура — современной крупной промышленностью. Они показывают, как с ростом промышленности и торговли росла и развивалась буржуазия, как она оттесняла старые классы, унаследованные от средневековья. Они описывают политические успехи буржуазии, всё более значительные по мере её экономического укрепления, пока она не завоевывает себе исключительное политическое господство, пока она не превращает государственную власть в «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии». Борьба буржуазии со старыми классами заканчивается, таким образом, «полным переустройством общественного здания». Основная причина этой победы буржуазии состоит в том, что на известной ступени развития средств производства и обмена, созданных в феодальном обществе, феодальные отношения собственности «перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство вместо того, чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты».

«Коммунистический Манифест» скупыми, но резкими штрихами рисует отрицательное влияние буржуазного порядка на умственную и нравственную жизнь общества: господство «чистогана», продажность, открытый и бесстыдный характер буржуазной эксплуатации. С другой

⁶ Карл Маркс. Избранные произведения. Т. I, стр. 134.

⁷ Там же, стр. 139.

стороны, он ярко изображает колоссальный рост производительных сил при буржуазном порядке, непрерывные перевороты в производстве, распространение цивилизации, а вместе с тем и власти буржуазии по всему земному шару. «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения — какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!»⁸.

Однако именно в этом росте производительных сил таится гибель для буржуазного порядка. «Современное буржуазное общество, — говорит «Манифест», — с его буржуазными отношениями производства и обмена, с буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями». Современные производительные силы возмущаются против буржуазных отношений собственности. Ярким симптомом этого возмущения являются периодически потрясающие буржуазное общество торговые кризисы, отбрасывающие общество назад, ведущие к истреблению не только созданных продуктов, но и самих производительных сил. Производительные силы стали слишком велики для буржуазных отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие, как некогда задерживали его отношения феодальные. Это несоответствие между производительными силами и буржуазными отношениями собственности угрожает самому существованию последних. «Оружие, которым буржуазия испробовала феодализм, направляется теперь против самой буржуазии».

«Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть, — продолжает «Манифест», — она породила и людей, которые направят против неё это оружие, — современных рабочих, пролетариев». Буржуазное общество не уничтожило классового антагонизма; оно лишь создало новые формы эксплуатации и новые формы классовой борьбы. Пролетариат рекрутируется из всех классов населения и растёт вместе с ростом производительных сил. «Его (пролетариата. — В. В.) борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием». Рост крупной промышленности ведёт к скоплению рабочих в больших массах и к осознанию ими своих сил. Рабочие объединяются для борьбы во имя своих экономических интересов, и эти объединения принимают всё более широкий характер. В конце концов местные движения сливаются в движение национальное, классовое. А всякая классовая борьба есть борьба политическая. Так происходит организация пролетариата в класс и тем самым в политическую партию.

Из всех классов, противостоящих буржуазии, только пролетариат есть последовательно революционный класс. Он существенно отличается от всех других классов, борющихся за своё господство. Другие классы, захватив господство, стремились упрочить приобретённое ими положение в жизни. У пролетариев нет ничего, что им надо было бы охранять и упрочивать; они должны разрушить всё, что было раньше создано для охраны частной собственности. Движение пролетариата — движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Оно завершается неизбежно открытой революцией, в которой пролетариат осно-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 53. М. 1948.

ывает своё господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии. Создавая крупную промышленность, буржуазия содействует революционному объединению рабочих. Она производит, таким образом, своих собственных могильщиков. Её гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны.

В этой великой борьбе рабочего класса коммунисты не выдвигают никаких особых, сектантских принципов, заявляют авторы «Манифеста». Теоретические положения коммунистов являются выражением действительно происходящей на наших глазах классовой борьбы, а не чем-то надуманным. Коммунисты отличаются от остальной массы пролетариата тем, что они понимают условия, ход и неизбежные результаты пролетарского движения. Они представляют интересы движения в целом. Их цель — формирование пролетариата в класс, ниспровержение буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти. Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения. Они везде поддерживают революционное движение против существующего общественного и политического строя.

Для чего же использует пролетариат завоёванное им политическое господство? Коммунистическая революция решительно покончит со старыми отношениями собственности. Пролетариат должен будет вырвать из рук буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс. Революция должна, таким образом, привести к экспроприации побеждённой буржуазии и к построению нового, коммунистического общества.

В дальнейшем, с исчезновением классовых различий, политическая власть как организованное насилие одного класса над другим станет ненужной. Упраздняя старые производственные отношения, пролетариат уничтожит условия существования классов, а тем самым и своё собственное господство как класса. «Вместе с антагонизмом классов внутри нации падут и враждебные отношения наций между собой».

Уничтожение эксплуатации одного индивидуума другим приведёт к неизбежности к уничтожению эксплуатации одной нации другой. Так намечает «Манифест» черты светлого будущего бесклассового человеческого общества.

«Манифест Коммунистической партии» является замечательным образцом применения материалистической диалектики к исследованию общественных явлений. «Манифест» исходит в своём построении не из «вечных истин», не из принципов морали или естественного права. Он исходит из научного анализа «бытия», экономической жизни буржуазного общества, рассматривая это общество в его развитии. На прочной основе материалистического анализа строит он учение о классовой борьбе пролетариата, о неизбежности пролетарской революции, о том, что эта революция будет неизбежно коммунистической. Тем самым он разрешает проблему, остававшуюся недоступной для утопического социализма, — проблему соединения социализма с рабочим движением. Тем самым он незыблемо устанавливает ту истину, что коммунизм — исторически необходимый результат всего предшествовавшего исторического развития. «В этом произведении, — писал о «Коммунистическом Манифесте» Ленин, — с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое мирозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, комму-

нистического общества»⁹. Теоретическую основу «Коммунистического Манифеста» прекрасно характеризовал товарищ Сталин: «С точки зрения этой теории,— говорит он в своей работе «Анархизм или социализм»,— развитие общественной жизни полностью определяется развитием производительных сил. Если за помещичье-крепостническим строем последовал буржуазный строй, то «виной» этому было то, что развитие производительных сил сделало неизбежным возникновение буржуазного строя. Или ещё: если за современным буржуазным строем неизбежно последует социалистический строй, то это потому, что этого требует развитие современных производительных сил. Отсюда проистекает историческая необходимость разрушения капитализма и установления социализма»¹⁰.

Развитие научного коммунизма, конечно, не закончилось на «Коммунистическом Манифесте». Маркс и Энгельс в своей дальнейшей работе внесли в коммунистическую теорию ряд дополнений и уточнений. Так, понятие «пролетариат, организованный как господствующий класс» было заменено ими более чётким понятием — «диктатура пролетариата»; так, учение о завоевании пролетариатом государственной власти было дополнено указанием на необходимость для пролетариата сломать старую государственную машину буржуазии. Экономическая теория марксизма получила исчерпывающее для своего времени обоснование в «Капитале». Для обоснования философии научного коммунизма много сделал Энгельс в «Анти-Дюринге» и в «Диалектике природы». Дальнейшее развитие положений научного коммунизма в применении к условиям эпохи империализма и пролетарских революций дали Ленин и Сталин. Лениным была создана теория империализма, Лениным и Сталиным было разработано учение о руководящей роли партии в пролетарской революции, об отношениях между пролетариатом и крестьянством на разных этапах революционной борьбы и социалистического строительства, о возможности победы социализма в одной стране. Сталин обогатил теорию научного коммунизма учением о путях строительства коммунизма, о государственной власти в социалистической стране, находящейся в капиталистическом окружении, и др.

Но всё новое, что было внесено позднее в теорию научного коммунизма Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным, не стоит ни в каком противоречии с основными положениями «Коммунистического Манифеста». Эти положения и сейчас остаются незыблемыми и сейчас освещают миллионам пролетариев путь их исторической борьбы. «Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом её живёт и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира»¹¹. Эти слова, написанные Лениным более пятидесяти лет тому назад, и в наше время сохраняют полную силу.

Судьбы «Коммунистического Манифеста» теснейшим образом связаны с судьбами революционного движения пролетариата. «Манифест» появился в свет накануне революции 1848 года. Наряду с научным коммунизмом, нашедшим в нём своё выражение, на внимание рабочего класса и передовой интеллигенции претендовало в это время немало разнообразных течений «социалистической» и «коммунистической» мысли, отражавших пройденную ступень в развитии социализма. «Революция 1848 года,— говорит Ленин,— наносит смертельный удар всем этим нумным, пёстрым, крикливым формам до-марковского социализма...» «Все учения о не-классовом социализме и о не-классовой политике оказываются пустым вздором»¹². Тем не менее в пору наступившей

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 6.

¹⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. I, стр. 352—353. М. 1946.

¹¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 413.

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 331—332.

реакции идеи «Коммунистического Манифеста» не находили широкого распространения. Они начали овладевать массами и приобретать значение реальной общественной силы в эпоху I Интернационала. Начиная с 70-х годов XIX в. они одерживают новые и новые победы в рабочем движении европейских стран. «Учение Маркса, — пишет Ленин об этом периоде, — ...и дёт в ширь».

Возникающий в конце XIX в. оппортунизм предяёт принципы «Коммунистического Манифеста», отказываясь от классовой борьбы, от идеи пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Проповедуя «социальный мир» и мирное вращение капитализма в социализм, подменяя революционный пафос марксизма филистерским, мещанским реформизмом, оппортунисты порывают с традициями «Коммунистического Манифеста». Борьба революционного крыла II Интернационала против оппортунистов есть борьба за идеи «Коммунистического Манифеста».

Под знаменем, поднятым в «Коммунистическом Манифесте» Марксом и Энгельсом, идёт с самого своего возникновения наша славная коммунистическая партия.

Под этим знаменем собирали Ленин и Сталин силы рабочего класса бывшей царской империи, под этим знаменем вели они рабочие массы на штурм самодержавия в 1905 г., под этим знаменем проходила борьба 1917 г., закончившаяся Октябрьской социалистической революцией. С традициями «Коммунистического Манифеста» связано гениальное учение Ленина и Сталина о путях развития социализма в нашей стране. Философское и историческое учение, основы которого изложены в «Коммунистическом Манифесте», определяют всю нашу теоретическую и практическую работу. Идеи «Коммунистического Манифеста» вдохновляют нас в нашей борьбе за полное торжество коммунизма.

Принципиальные положения «Коммунистического Манифеста» являются результатом глубокого исследования прошлого человеческого общества. «Коммунистический Манифест» был написан тогда, когда капиталистический порядок ещё не достиг своего кульминационного пункта. Но тот изумительный анализ капитализма, который дан в «Манифесте», полностью подтверждён всей последующей вековой историей капиталистического развития. При колоссальном отличии современных экономических и политических отношений от экономических и политических отношений 1848 г. не только широкие обобщения, но и многие частные положения «Манифеста» кажутся отражающими современную нам действительность капиталистических стран. Разве внутренняя и внешняя политика современных империалистических государств не делает для нас особенно убедительной характеристику буржуазного государства как комитета, управляющего общими делами всего класса буржуазии? Разве подавление империалистическими государствами колониальных и полуколониальных народов не напоминает характеристику буржуазии как силы, которая под страхом гибели заставляет все нации принять буржуазный способ производства, которая стремится создать себе мир по своему образу и подобию? Разве пропаганда культа доллара не является яркой иллюстрацией к той странице «Манифеста», где идёт речь о «чистогане», о превращении личного достоинства человека в денежную стоимость, о замене всех свобод одной бессовестной свободой торговли?

В наши дни, когда на путь строительства социализма вступают страны новой демократии; когда реакционеры империалистических стран — от спекулянтов Уолл-стрит до так называемых «правых социалистов», беззастенчиво предающих социализм, — провозглашают дозвучную борьбу с коммунизмом, — в эти дни столь же современно, как и в канун революции 1848 г., звучит великий призыв, которым заканчивается «Манифест Коммунистической партии»:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»